

Амиран АДАМИЯ. Живет в Ставрополе (Россия).

Одиссей

Экклезиаст во мне подрался с Эпикуром.
Ах, эти мысли, эти сонмы в руку,
сомнения, и кто во что горазд.
А их разнять Сократ пытался, друг-философ.
Не фарс, но как порой забавны думы:
смешалось все в них - годы, люди, кони.
И вот уже не двое-трое
во мне, а заседание. Сенат.

Вот Сартр нелегко с Кьеркегором.
И Кафка. Моисей с законом. Память, числа.
А началось все в споре, как обычно
из-за прекрасной дамы там, на личном.
И было многое: и чья же в том вина;
сейчас и никогда; и эти бабы-дуры;
пройдет под солнцем все, давай про все забудем;
не будет чист и прав, кто не поймет натуры
и роли женщины, что есть вода. Река.
Лукавство. Сети. Был разбор полетов -
пример предстал печальный Дон Кихота
и Дульсинеи, стих звучал Бальмонта,
и дона Анна здесь была, еще - рога,
хвосты, копыта; помянули города,
сады Семирамиды, бабку и корыто. И старика.
Изящество изгибов. Ветер перемен.
Разбрасывали камни, собирали их для стен.
И Жанну Д'Арк ввели. Марию Магдалину.
Потом и род, и грех, и святость, и святых.
Все прилепили. Секс, мораль, мотивы.
И целину, и Мурку, и малину.
И пел под это Слин. «Маяк» звучал над ними,
но к общему все так и не пришли.
И сколько ни кричал Бодлер, что все есть тлен;
Сократ, жены сварливой муж, - «постойте, други!»;
и «гений чистой красоты» — все тот же сукин сын;
и фонарем светил им Диоген, горели трубы,
и сколько не рассматривали разум или груди -
нет, не сошлись в итоге ни один
на женщине в моем рассудке, в этой драке.
И разошлись во мне в свои миры и судьбы.
А я? А я налил и закурил.
И был февраль. Но только я не плакал -
на телефон смотрел загадочно и дико.
Достал Шекспира в переводе Пастернака.
Открыл и тут же, пьяненький, закрыл.
И спать ушел. И снилась мне Итака.

[Визитка автора](#)